

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Центр политической и экономической
истории России

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
РОССИИ
В ПАРТИЯХ
И ЛИЦАХ**

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1993

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Г. В. ПЛЕХАНОВ
А.Н. ПОТРЕСОВ
В.М. ЧЕРНОВ
Б.Д. КАМКОВ
П.А. КРОПОТКИН
П.Н. МИЛЮКОВ
А.И. ГУЧКОВ
П.П. РЯБУШИНСКИЙ
В.М. ПУРИШКЕВИЧ
ИЛИОДОР (С.М. ТРУФАНОВ)

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Георгий Валентинович Плеханов, отдавший более сорока лет своей жизни российскому и международному социалистическому движению, был человеком яркой, но трудной и во многом трагической судьбы. Он стал одним из самых эрудированных и интеллигентных революционеров конца XIX — начала XX в., первым в России перешел на позиции марксизма, стоял у колыбели отечественной социал-демократии, пользовался огромным авторитетом во II Интернационале. Литературное наследие Плеханова (политическая публицистика, работы по философии, истории общественной мысли, эстетике, литературоведению и т. д.), составляющее в общей сложности несколько десятков томов, и сегодня поражает богатством мысли и блеском ее изложения. Среди его знакомых были такие выдающиеся люди, как Энгельс и Ленин, Каутский и Бебель, Лавров и Милюков, Горький и Скрябин, и список этих знаменитостей можно было бы продолжить.

Пользуясь крылатым выражением известного русского поэта Федора Тютчева, Плеханов «посетил сей мир в его минуты роковые». Он стал свидетелем ряда больших войн и политических переворотов, величайших научных открытий; ярких событий в мире литературы и искусства. На его глазах Россия перешла от феодализма к капитализму, а затем начала грандиозный по масштабам коммунистический эксперимент. Вместе с тем блестящий талант Плеханова в значительной мере остался на родине невостребованным: 37 лет, т. е. более половины своей жизни, он провел в эмиграции, народ России не признал в нем национального вождя, а победившие в октябре 1917 г. большевики объявили его оппортунистом и отступником от революционного марксизма.

Проведя в 1917 г. девять месяцев в революционной России, больной Плеханов в начале 1918 г. вновь покинул

родину. Умирал он на чужой финской земле, отвергнутый, непонятый, но духовно не сломленный. Не признав и осудив Октябрьскую революцию, Ленина и большевизм, он тем не менее не отрекся от социализма и марксизма, навсегда оставшись примером гордого и сильного человека, идущего в жизни и в политике против течения.

«...И вечный бой, покой нам только снится», — сказал когда-то Александр Блок. И эти слова могли бы стать прекрасным эпиграфом к биографиям многих русских революционеров, включая Плеханова.

Г. В. Плеханов родился в 1856 г. в мелкопоместной и многодетной дворянской семье на Тамбовщине. У его отца, отставного офицера с твердыми консервативно-монархическими убеждениями, чем-то напоминавшего старого князя Болконского из «Войны и мира», не было ни больших доходов, ни влиятельной родни, так что юному Георгию Плеханову приходилось рассчитывать только на собственные силы. С детства он отличался незаурядными способностями, самостоятельностью, большой дисциплинированностью, трудолюбием, выносливостью, страстью к порядку в делах и мыслях. В то же время от матери, приходившейся дальней родственницей Виссариону Белинскому, Георгий унаследовал глубокую тягу ко всему прекрасному, душевную тонкость и даже какой-то артистизм, сочувствие к людям труда, ко всем униженным и угнетенным. Справедливости ради нужно, однако, сказать, что Плеханов в полной мере оправдывал и известное остроумное изречение: «Поскоблите русского, и вы найдете татарина». В нем всегда были какое-то неистовство, задиристость, беспощадность и вспыльчивость, сочетавшиеся с большим честолюбием и упрямством. Таким образом, это была богато одаренная, волевая, деятельная, но достаточно сложная и противоречивая натура, многие черты которой наложили отпечаток и на политическую деятельность зрелого Плеханова.

Георгий закончил военную гимназию в Воронеже (будущую карьеру он выбрал сам, заявив отцу, что не хочет быть «штафиркой», т. е. штатским), и поступил в юнкерское училище в Петербурге, но скоро разочаровался в военной службе и в 1874 г. стал студентом очень престижного в то время столичного Горного института. Однако уже на втором курсе примерный и подававший большие надежды студент увлекся идеями бакунизма, забросил занятия и в конце концов был отчислен в 1877 г. из института за «непосещение лекций».

Этот первый в жизни Плеханова духовный кризис был вызван многими причинами: атмосферой сильного общественного возбуждения, царившей тогда в России, политическим брожением среди петербургского студенчества, стесненным материальным положением Георгия, его отрывом от родного дома, усилением атеистических настроений, интересом к жизни петербургских рабочих, с которыми он познакомился через своих новых товарищей. Опоздав к началу массового «хождения в народ», Плеханов нашел выход своей кипучей энергии в пропагандистской работе среди столичных пролетариев, а в декабре 1876 г. получил первое боевое крещение, выступив с яркой революционной речью перед участниками демонстрации студентов и рабочих у Казанского собора в Петербурге, устроенной тайной народнической организацией «Земля и воля». Это выступление было настолько удачным, что за Плехановым на долгое время закрепилась с тех пор подпольная кличка «Оратор».

В начале 1877 г., скрываясь от полиции, он вынужден был на несколько месяцев нелегально уехать за границу (Швейцария, Франция, Германия). Последующие два с половиной года в жизни Плеханова были до предела заполнены интенсивной революционной работой на родине. У него были планы поработать учителем в Поволжье, но осуществить их из-за угрозы провала не удалось. Затем он вернулся в Петербург и принял участие в организации ряда рабочих выступлений, «бунтовал» донских казаков, редактировал нелегальную народническую газету «Земля и воля» и писал для нее статьи.

Пожалуй, никогда еще жизнь Плеханова не была окрашена в такие яркие романтические тона: он спал с револьвером под подушкой, учился владеть кастетом и кинжалом, чтобы не сдаваться без боя в руки полиции, жил по чужим паспортам, часто менял подпольные квартиры, отказывая себе в самом необходимом. Несколько раз он подвергался кратковременным арестам, но каждый раз полиция из-за недостатка улик отпускала его.

К лету 1879 г. в народническом движении стали брать верх сторонники террористических методов борьбы. Воронежский съезд «Земли и воли» завершился разрывом Плеханова со своими товарищами, а вскоре возникли две новые революционные организации — «Народная воля» и «Черный передел». Плеханов, который считал, что замышляемое народниками-террористами убийство царя приведет лишь к усилению репрессий правительства, настаивал на необхо-

димости продолжать агитацию и пропаганду среди крестьян и рабочих. Однако революционная молодежь явно тянулась к «Народной воле», тогда как возглавляемый Плехановым «Черный передел» так и не обрел в России настоящей силы. К тому же полиция, не делавшая большого различия между террористами и «деревенщиками», как называли чернопердельцев, развернула настоящую охоту за Плехановым, вынудив его в январе 1880 г. вновь скрыться за границей.

Плеханов покидал родину с тяжелым сердцем. Если бы не настойчивые просьбы друзей, он ни за что не бросил бы работу в «Черном переделе», причем свой отъезд Плеханов рассматривал тогда как сугубо временную меру предосторожности, рассчитывая использовать пребывание за границей для знакомства с западноевропейским социалистическим движением и новейшей литературой по различным социально-политическим вопросам.

Молодого революционера не мог не смущать кричащий разрыв между реалиями пореформенной России и народнической доктриной, в основе которой лежала идея некапиталистического развития нашей страны. Между тем в экономике России бурно развивался капитализм, рос рабочий класс, происходил процесс разложения крестьянской общины, в которой народники видели прообраз будущих социалистических отношений. Тяжело переживал Плеханов и неудачу народнической работы в деревне, и уход лучших сил революционной молодежи в бесперспективный, с его точки зрения, террор.

В конце 70-х гг. прошлого века он уже был знаком в общих чертах с рядом положений марксизма, отдавал должное экономическому материализму, но еще верил в «особый» путь России, которой якобы было суждено совершить революционный скачок прямо от феодализма к социализму. Важно подчеркнуть и то, что Плеханов уже в это время возлагал очень большие надежды на рабочее движение как мощный рычаг революционного обновления России, хотя и считал еще пролетариат лишь частью многомиллионного крестьянства. Об этом он писал, в частности, в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879 г.).

Все большую остроту приобретала и проблема соотношения борьбы за политическую свободу и борьбы за социализм. Возникло ощущение, что попытка совместить во времени политический и социальный перевороты — а именно на это рассчитывали русские народники, хорошо пони-

мавшие всю ограниченность западной буржуазной демократии, — граничит с утопией и может нанести непоправимый ущерб освободительному движению в России, где самой насущной задачей была ликвидация царского самодержавия и установление конституционного строя. Однако большие сомнения вызывала и попытка свести политическую борьбу только к террору, который не мог изменить основ существующего порядка. Таким образом, теоретикам народнического движения, в том числе и Плеханову, предстояло на рубеже 70—80-х гг. разобраться во множестве сложных вопросов, от решения которых во многом зависело будущее России.

За границей Плеханов обосновался в Женеве, куда к нему вскоре приехала его жена, будущий врач, Розалия Марковна Боград, с которой он соединил свою судьбу в 1878 г. (первый его брак с Н. А. Смирновой оказался неудачным). С ноября 1880 г. до осени 1881 г. Г. В. и Р. М. Плехановы жили в Париже и в деревушке Мольтери в часе езды от французской столицы, а затем вновь вернулись в Швейцарию (Кларан, Берн, Женева). В материальном отношении жизнь этих двух молодых русских эмигрантов без определенных занятий, перебивавшихся случайными маленькими заработками, была очень нелегкой, тем более что в мае 1881 г. у них родилась дочь Лидия, а в 1883 г. — Евгения (первая дочь Плехановых Вера, оставленная родителями в 1880 г. в России, вскоре умерла). Однако эти лишения отступали на второй план перед массой новых впечатлений и интересных знакомств, возможностью ежедневно работать в библиотеках, слушать лекции в Женевском университете и парижской Сорбонне.

К сожалению, мы очень мало знаем об интенсивной духовной жизни Плеханова в ту пору, когда происходил его поворот от народничества к марксизму. Но совершенно очевидно, что более глубокое личное знакомство с западной демократией, французским и немецким социалистическим рабочим движением, трудами Маркса и Энгельса (для этого Плеханов изучил немецкий язык) помогло молодому, полному энергии русскому революционеру по-новому взглянуть и на ситуацию в России. Большое значение для его идейной эволюции имели также острые дискуссии, которые шли тогда в среде русской политической эмиграции, беседы с П. Л. Лавровым, высоко ценившим талант Маркса, хотя и остававшимся в своих взглядах эклектиком.

Поворот к реакции, начавшийся в России после убийства

народовольцами царя Александра II в марте 1881 г. и сопровождавшийся глубоким идейно-организационным кризисом самого народнического движения, часть участников которого не скрывала в начале 80-х гг. своего разочарования и апатии, а также слабость позиций «Черного передела» в эмиграции и в России — все это убеждало Плеханова в необходимости смены идеологических ориентиров.

В марксизме, который не прошел еще в то время проверку практикой пролетарской революции, Плеханова привлекали его радикализм, диалектико-материалистический подход к анализу общественной жизни, беспощадная критика капитализма, ориентация на рабочий класс. При этом его не смущали постоянное обращение марксистов к революционному насилию, их грубая уравнительность, туманность представлений о будущем социалистическом строе, скептическое отношение к крестьянству. Плеханов уже не сомневался в том, что ближайшее будущее России связано с торжеством буржуазных отношений, демократизацией и европеизацией страны, ростом пролетариата, созданием социал-демократической рабочей партии. Из сторонника бакунистской идеи «взрыва» государства и замены его федерацией свободных самоуправляющихся общин трудящихся он постепенно превращается в социалиста-государственника, видящего в государстве важнейший рычаг всех общественных преобразований, в том числе и строительства нового, социалистического общества.

Будь Плеханов натурой менее цельной и решительной, обладай он большим жизненным опытом и знанием российской действительности, он, вероятно, пошел бы по пути синтеза, взаимообогащения народнических и марксистских идей, чем, кстати говоря, занимались позже и эсеры, с одной стороны, и большевики — с другой. Однако Плеханов предпочел другой путь — путь решительной смены одной социалистической доктрины другой, народничества — марксизмом. Это было чревато рядом серьезных издержек, в частности некритическим отношением к идеям Маркса и Энгельса, абсолютизацией западных моделей развития, идеализацией рабочего класса и социал-демократии, переходом от преклонения перед крестьянской революционностью к ее явной недооценке и т. д.

Предпринятый Плехановым в 1881—1882 гг. перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса окончательно закрепил его решение стать марксистом. Причем он быстро превратился в очень

ревностного и ортодоксального ученика этих двух крупнейших теоретиков нового направления в европейской социалистической мысли. Недаром Плеханов говорил: «Я больший марксист, чем сам Маркс» (заметим, что эта тенденция к догматическому восприятию марксизма сохранилась у него и позже). Он откровенно признавался в письме к Лаврову, что готов сделать из «Капитала» своеобразное прокрустово ложе для испытания каждого русского социалиста на теоретическую и революционную зрелость. Авторитет Маркса стоит для меня столь высоко, писал Плеханов, что я сто раз подумаю, прежде чем не соглашусь с его взглядами.

Тем не менее окончательный организационный разрыв с народолюбцами дался Плеханову очень нелегко. За границей длительное время шли переговоры об объединении «Черного передела» с «Народной волей», издании общего печатного органа и т. д. При этом Плеханов надеялся, что ему удастся перевести новую объединенную народническую организацию на марксистские рельсы. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, т. к. идейные разногласия между предполагаемыми участниками соглашения оказались слишком глубоки. В итоге Плеханов и поддержавшие его чернопредельцы Вера Засулич, Павел Аксельрод, Лев Дейч и Василий Игнатов объявили в сентябре 1883 г. о создании в Женеве русской марксистской группы «Освобождение труда».

Плеханов стал ее признанным руководителем и принял самое активное личное участие в решении двух главных задач этой первой в отечественной истории марксистской организации — переводе на русский язык и издании важнейших произведений Маркса и Энгельса и анализе основных тенденций социально-политического развития пореформенной России с позиций марксизма. Большой резонанс в революционных кругах России получили работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.), ставшие идейным манифестом группы «Освобождение труда». В них доказывалась несостоятельность народнических взглядов, приводились убедительные данные о развитии в России буржуазных отношений, обосновывалась идея о том, что буржуазно-демократическая и социалистическая революции будут неизбежно разделены хотя бы небольшим промежутком времени (позже Плеханов пришел к выводу, что этот интервал неизбежно придется удлинить).

Главной движущей силой революционного процесса в России на обоих его этапах — и демократическом, и социалистическом — Плеханов считал рабочий класс во главе с социал-демократической марксистской партией. Они же, по мысли Плеханова, должны были стать и центром притяжения всех прогрессивных сил российского общества, выступающих против самодержавного режима. К их числу он относил интеллигенцию, нарождающуюся либеральную буржуазию и крестьянство, хотя больших иллюзий относительно революционных (и тем более социалистических) потенциалов последнего никогда не питал. Достаточно скептически был настроен Плеханов и в отношении буржуазно-либеральной оппозиционности, однако не исключал в будущем возможности серьезных конфликтов между буржуазией и царскими властями и советовал революционерам учитывать это в своих планах. Роль гегемона (идейного и политического руководителя) освободительного движения в России Плеханов безоговорочно отдавал пролетариату. Не случайно он был убежден, что революционное движение на его родине победит как движение пролетариата или не победит вовсе.

Одновременно Плеханов со ссылкой на Энгельса акцентировал внимание своих читателей на крайней опасности преждевременного социалистического переворота в России, чреватого установлением губительного для народа режима казарменной уравнительности, разного рода сомнительными экономическими экспериментами и в конечном счете — общественным регрессом.

Этот круг идей был закреплен Плехановым в нескольких вариантах программы группы «Освобождение труда» (1883—1885 гг.). Большое значение имели также такие его произведения на актуальные политические темы, как «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.). Не будет преувеличением сказать, что на марксистских работах Плеханова 80—90-х гг. XIX в., с большими трудностями все же доходивших разными путями до России, было воспитано целое поколение русских революционеров социал-демократического направления.

К этому нужно добавить целый цикл философских произведений Плеханова, посвященных популяризации, защите и дальнейшему развитию основных положений диалектического и исторического материализма Маркса и Энгельса. Особое значение в этом плане имела легально изданная в России книга «К вопросу о развитии марксистского взгляда

на историю» (1895 г.), получившая широкую известность работа «К вопросу о роли личности в истории» (1898 г.) и др.

Деятельность группы «Освобождение труда» проходила в очень сложной обстановке (финансовые трудности, слабая связь с Россией, враждебное отношение со стороны идейных противников марксизма). Очень долго не налаживалась и личная жизнь Плеханова: он страдал от постоянного безденежья, преследований со стороны швейцарской и французской полиции, вынужден был жить в разлуке с семьей. В 1887 г. Плеханов заболел туберкулезом, был какое-то время на грани между жизнью и смертью, а затем стал больным-хроником, реагирующим на весенние и осенние перепады погоды. Спасением от тяжелого и коварного недуга он был обязан самоотверженной заботе Веры Засулич и материальной помощи друзей, прежде всего Сергея Степняка-Кравчинского. В дальнейшем большую роль в поддержании здоровья Плеханова сыграла его жена — врач по профессии. Тяжелым ударом для Плеханова стала смерть любимой маленькой дочери Маши в начале 1894 г. Лишь в середине 90-х гг. семья Плехановых обрела материальный достаток и относительный покой.

Плеханов очень рано зарекомендовал себя как убежденный и последовательный революционер-интернационалист. В 1889 г. он принял участие в международном социалистическом конгрессе в Париже и с тех пор приезжал почти на каждый конгресс II Интернационала. Плеханов неоднократно встречался с Ф. Энгельсом, который сначала, как и Маркс, сочувствовал народолюбцам, но затем высоко оценил талант Георгия Валентиновича и его глубокую преданность марксистскому учению. Сохранилась переписка Плеханова с видными деятелями социалистического и рабочего движения почти 20 стран мира, включая В. Либкнехта, А. Бебеля, К. Каутского, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ж. Гедда, П. Лафарга, Д. Благоева и др. Начиная с 1900 г. Плеханов на протяжении многих лет представлял российскую социал-демократию в Международном социалистическом бюро. Не раз выступал он и на страницах европейской социалистической печати, а также опубликовал на иностранных языках несколько своих книг («Чернышевский», «Анархизм и социализм», «Очерки истории материализма»).

Яркую страницу в биографии Плеханова составляет его острая борьба против попыток пересмотра ряда основных положений марксистской теории, предпринятых в конце XIX в. немецким социалистом Эдуардом Бернштейном. Од-

нако сегодня бескомпромиссная плехановская позиция в этой дискуссии уже не кажется нам столь бесспорной и убедительной, как прежде. Правильно отмечая ряд слабых мест в аргументации Бернштейна, Плеханов в то же время проявил крайнюю нетерпимость к его критическим замечаниям в адрес Маркса и явно поторопился огульно объявить их проявлением оппортунизма и измены интересам рабочего класса. Осудил он и французского социалиста Мильерана, предпринявшего попытку осуществить практическое сотрудничество с буржуазными политиками в качестве министра.

Максимализм Плеханова в полемике с Бернштейном (он был настроен к нему гораздо более непримиримо, чем большинство лидеров II Интернационала) объяснялся рядом причин. Здесь сыграли свою роль и повышенная ортодоксальность русских марксистов, и иллюзорность реформистского варианта социально-политического развития в России, и наличие сильной революционной струи в международном социалистическом движении. Не будем забывать и о крайней противоречивости сложившейся в мире на рубеже XIX и XX веков ситуации: на каждый аргумент Бернштейна у революционных марксистов еще были тогда достаточно сильные контраргументы, и жизнь не давала материала для окончательного решения многих из поставленных «ревизионистами» вопросов. Не случайно наряду с Плехановым против Бернштейна выступали тогда К. Каутский, Р. Люксембург, Парвус (А. Л. Гельфанд) и другие социалистические теоретики и публицисты, хотя они и не были столь категоричны в своих оценках, как «отец русского марксизма», ставивший вопрос альтернативно: либо социал-демократия похоронит Бернштейна, либо он похоронит социал-демократию.

Такой же страстностью отличались и полемические статьи Плеханова против русских народников, «легальных марксистов» типа Петра Струве и социал-демократов «экономического» направления, стремившихся на рубеже веков акцентировать внимание на защите повседневных материальных интересов трудящихся в ущерб политической борьбе с царским правительством, к которой пролетариат, по их мнению, должен был прийти значительно позже, достигнув в массе своей необходимой социальной зрелости. И здесь позиция Плеханова не выглядит сегодня бесспорной, хотя во многом его критика была основательной и объективной.

Весной и летом 1895 г. состоялись первые встречи Плеханова с молодым русским социал-демократом Владимиром

Ульяновым, приехавшим в Швейцарию из Петербурга; причем он дал тогда своему гостю и ученику очень лестную характеристику. Стали налаживаться контакты между группой «Освобождение труда» и петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», а летом 1900 г., когда отбывший сибирскую ссылку В. И. Ульянов вновь приехал за границу, после очень трудных и нервных переговоров была достигнута договоренность об издании силами Плеханова и его товарищей, с одной стороны, и российских социал-демократов во главе с Ульяновым — с другой газеты «Искра» и журнала «Заря».

Плеханов вошел в состав их редакции, опубликовал в «Искре» и «Заре» несколько десятков статей и заметок, а также принял самое активное участие в подготовке программы Российской социал-демократической рабочей партии, основанной в 1898 г. В 1902 г. он предложил своим коллегам по редакции первый набросок теоретической части программы, который встретил, однако, ряд серьезных возражений, прежде всего со стороны В. И. Ульянова-Ленина. Острые споры между Плехановым и Лениным шли и при обсуждении некоторых ленинских статей для «Зари». Разногласия касались оценки уровня капиталистического развития России, перспектив сотрудничества социал-демократов с либералами, роли мелкобуржуазных слоев в революционном движении и т. д. Это были споры в рамках революционного марксизма, причем Плеханов стремился противопоставить жестким и категоричным формулировкам Ленина свои, более гибкие и богатые оттенками оценки и характеристики. В частности, он не считал, что к началу XX века капитализм уже окончательно стал в России господствующим способом производства (применительно к сельскому хозяйству такие сомнения были вполне закономерны), не хотел раньше времени обострять и без того достаточно сложные отношения с либералами, стремился максимально расширить фронт сторонников борьбы с самодержавием, был решительным противником национализации земли при капитализме.

Весной — летом 1902 г. личные отношения Плеханова и Ленина были одно время на грани полного разрыва. Однако усилиями других членов редакции «Искры», в первую очередь В. И. Засулич и Ю. О. Мартова, указанные разногласия удалось в конечном счете преодолеть на базе взаимных уступок и компромиссов. В итоге проект программы РСДРП, разработанный редакцией «Искры», явил-

ся результатом подлинно коллективного творчества, хотя последнее слово было оставлено все же за Плехановым. В этом сказалось глубокое уважение к его заслугам перед русским революционным движением (в 1901 г. было торжественно отмечено 25-летие со времени выступления Плеханова во время упоминавшейся выше демонстрации у Казанского собора), бесспорному таланту теоретика и яркому дарованию публициста.

На II съезде РСДРП (июль — август 1903 г.), подготовленном «Искрой» и ее Русской организацией, между Плехановым и Лениным царилو внешнее согласие. Все попытки противников твердой «искровской» линии поссорить их между собой закончились безрезультатно. По этому поводу Плеханов рассказал делегатам остроумную историю о Наполеоне, который любил разводить своих маршалов с их женами, и под смех и аплодисменты всего зала заявил, что он с Лениным «разводиться» не собирается. Характерно, что даже в самый драматический момент работы съезда, когда Мартов выступил против ленинской формулировки первого параграфа партийного устава, Плеханов выступил в поддержку Ленина.

Однако вскоре его испугала перспектива развала только-только начавшей вставать на ноги социал-демократической партии. Сыграли, видимо, свою роль и циркулировавшие в эмигрантских кругах слухи об интригах Ленина против Плеханова, о его намерениях стать партийным диктатором и т. п. Так или иначе, Плеханов резко повернул фронт и в последний день октября 1903 г. заявил, что не может больше «стрелять по своим». В итоге Ленин вышел из редакции «Искры», а Плеханов единолично кооптировал в ее состав всех старых редакторов — Аксельрода, Засулич и Потресова.

Сам Плеханов неоднократно говорил, что его нельзя механически причислять ни к меньшевикам, ни к большевикам (первых он считал несколько «дубоватыми» марксистами, а вторых вообще не называл иначе, как бакунистами или заговорщиками-бланкистами, не имеющими ничего общего с Марксом). Он полагал, что ортодоксальный марксизм представлен в России группой «Освобождение труда», тогда как возникшие после II съезда РСДРП фракции большевиков и меньшевиков лишь «приближаются» к ее взглядам и степень этого сближения и определяет его фракционные симпатии.

Действительно, и меньшевики, и большевики в какой-то

мере были «детьми» Плеханова, однако и те, и другие пошли в конечном счете своим путем. И хотя меньшевики по многим параметрам были ближе к «отцу», настоящим меньшевиком Плеханов все же никогда и не стал, занимая часто «особую», во многом отличную от других меньшевистских руководителей, позицию. Его, бесспорно, роднило с меньшевиками неприятие беспочвенного социального экспериментаторства, признание бесспорного примата экономики над политикой, объективных факторов исторического процесса над субъективными. Плеханов возлагал свои надежды не столько на организацию профессиональных революционеров в ее ленинском понимании или на спасительную для отсталой России мировую революцию, сколько на развитие классового сознания и организованности самих пролетарских масс. Роднило Плеханова с меньшевиками и его отношение к либеральной буржуазии, надежды на неизбежное, по его мнению, обострение ее конфликтов с царским правительством.

Вместе с тем Плеханов не переносил меньшевистской расплывчатости и неопределенности, не разделял скептического отношения меньшевиков к революционному подполью. Как и большевики, он чувствовал себя наследником якобинских традиций Великой французской революции, выступал за гегемонию пролетариата в освободительном движении, за укрепление и сохранение ее нелегальных организаций.

1905 год прошел у Плеханова под знаком отхода от меньшевизма. В мае он даже вышел из редакции «новой», меньшевистской «Искры» и начал переговоры о сближении с большевиками, которые шли до осени, но так и не увенчались успехом. В конце 1905 г. Плеханов тяжело заболел и не смог, в отличие от Ленина, Мартова, Аксельрода, Троцкого, вернуться на родину, хотя душой он буквально рвался в Россию. На рубеже 1905—1906 гг. у Плеханова происходит какой-то внутренний слом, совпавший с глубоким кризисом в развитии первой российской революции. Так, являясь на протяжении всего 1905 г. горячим сторонником вооруженного восстания и призывая тщательно готовить его не только агитационными средствами, но и путем всесторонней военно-организационной работы марксистской партии, он резко осудил Декабрьское восстание в Москве и некоторых других районах России («не нужно было и братья за оружие»). Не разделял Плеханов широко распространенных в то время среди социал-демократов взглядов

на необходимость бойкота I Государственной думы, проявив в данном случае гораздо больше политической прозорливости, чем большевики (напомним, что позже Ленин тоже признал бойкот I Думы ошибкой).

В 1906—1907 гг. Плеханов вновь сблизился с меньшевиками и выступал на IV и V съездах РСДРП в защиту их политической платформы, поддержав, в частности, идею «муниципализации» земли (в противовес национализации, предложенной Лениным), создание ответственного перед Думой кадетского правительства, избирательные блоки РСДРП с кадетами, созыв так называемого «рабочего съезда». Таким образом, он разделял меньшевистскую стратегическую установку на замену самодержавия буржуазной демократической республикой парламентского типа при отказе пролетариата от какого бы то ни было участия в правительстве и ограничении его роли оппозицией буржуазной власти слева.

Однако после поражения революции 1905—1907 гг. в связи с усилением в меньшевистской среде «ликвидаторских» настроений (отказ от нелегальной социал-демократической партии и перенесение центра тяжести на работу в легальных рабочих организациях) Плеханов вновь отходит от основного ядра меньшевиков во главе с Мартовым и возглавляет так называемых «меньшевиков-партийцев», одновременно возобновляя контакты с большевиками. Плеханов прервал в 1908 г. сотрудничество в редакции большого многотомного труда по истории первой российской революции («Общественное движение в России в начале XX века»), который готовили тогда меньшевики, а в 1909 г. вышел из редакции меньшевистской газеты «Голос социал-демократа».

Тем не менее на прочный политический союз с Лениным Плеханов не пошел, занимая, по существу, центристскую позицию между сторонниками Ленина и ликвидаторами, которых он резко осуждал. В 1912 г. Плеханов отказался участвовать как в Пражской партийной конференции, так и в созданном в противовес большевикам Августовском блоке с участием ликвидаторов, Троцкого и некоторых национальных социал-демократических организаций, продолжая выступать за единую, не разделенную на фракции и группы Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Параллельно с этим Плеханов все больше уходит в научную и литературно-публицистическую работу. С 1909 г. и до конца жизни его основные силы и время уходят на

подготовку многотомной «Истории русской общественной мысли» со времен Киевской Руси до начала XX века. Однако он успел издать в 1914—1917 гг. лишь первые три тома этого фундаментального труда, оборвав изложение на эпохе Радищева.

В это время у Плеханова была уже достаточно стройная материалистическая концепция российской истории и основных тенденций развития. Он считал, что старая Московская Русь во многом была близка к древним восточным деспотиям (Египет, Персия, Китай) с присущими им социальной неподвижностью, кастовым строем, отсутствием частной собственности на землю и полным бесправием народа. Магистральное направление русского исторического процесса он видел в европеизации страны (в этом смысле Плеханов был ярко выраженным «западником»), начало которой положили реформы Петра I, а закончить предстояло уже рабочему классу — главному двигателю общественного прогресса на современном этапе жизни общества.

Вместе с тем Плеханов рассчитывал на то, что в борьбе с царизмом рабочих поддержит крестьянство и буржуазия. Однако оба эти класса неизбежно должны были проявлять непоследовательность, колебания и идти на компромиссы с правительством и царем. Поэтому оценки революционных и оппозиционных потенций крестьянства и буржуазии у Плеханова неоднократно менялись то в одну, то в другую сторону, но в конечном счете он склонен был все же переоценивать демократизм либералов и недооценивать силу революционного протеста мужика, олицетворявшего в его глазах азиатское, консервативное начало в отечественной истории. При этом Плеханов считал, что в конечном счете пролетариат все же сможет увлечь за собой крестьянские массы, как это уже было в 1905 г. Это убеждение и лежало в основе его исторического оптимизма.

В годы первой мировой войны Плеханов занял в отличие от большевиков и значительной части меньшевиков ярко выраженные патриотические, оборонческие позиции, выступая за победу России над Германией. Именно кайзеровская Германия была в его глазах символом грубого империализма и шовинизма, главным виновником войны, а ее возможная победа — потенциальным источником неисчислимых бедствий для всех народов России и тормозом на пути развития их освободительного движения. Что касается русского царизма, то он представлялся Плеханову хищником значительно меньшего калибра, а военный союз Николая II

с западными демократиями в рамках Антанты заставляя «отца русского марксизма» на время приглушить критику в адрес царского правительства.

Ради победы над внешним врагом Плеханов призывал социал-демократическую фракцию Думы голосовать за военные кредиты, а рабочих — участвовать в военно-промышленных комитетах вместе с буржуазией. Он был убежден, что на время войны классовая борьба внутри страны должна практически прекратиться или свестись к минимуму, поскольку главным классовым противником российского пролетариата становились теперь германская империалистическая буржуазия и реакционное прусское юнкерство, которым удалось повести за собой под националистическими знаменами немецких рабочих и крестьян. Исходя из этого, Плеханов считал защиту России от агрессора прямым патриотическим долгом всего русского народа.

Оставаясь в принципе сторонником марксизма, Плеханов начал отходить в это время от жестких революционных схем, сложившихся у него еще в 80-е гг. прошлого века. Так, например, по-прежнему признавая классовую борьбу и революции своеобразными «локомотивами истории», он допускает теперь, по крайней мере на время войны, и возможность сотрудничества пролетариата и буржуазии на почве обороны родной земли от внешнего врага. Отказался в это время Плеханов и от своих взглядов времен русско-японской войны 1904—1905 гг., когда он видел в военных поражениях царизма путь к ускорению революции в России.

Во время войны не только прекратились всякие контакты Плеханова с большевиками, пораженческие взгляды которых казались ему преступлением перед собственным народом, но и усилилась его изоляция от меньшевиков. Общий язык в это время Плеханов находил лишь с эсерами-оборонцами и бывшим большевиком Алексинским, вместе с которым он издавал выходившую с осени 1915 г. в Париже социал-патриотическую газету «Призыв».

Правда, с осени 1915 г. Плеханов начал осторожно допускать возможность национально-патриотической буржуазной революции против оказавшегося неспособным привести Россию к победе над врагом самодержавного режима. Однако он считал, что в результате такого переворота к власти должна прийти буржуазно-либеральная оппозиция, и лишь в случае ее неспособности решать стоящие перед страной задачи можно было бы рассчитывать на создание в России социалистического правительства. Поэтому Пле-

ханов предлагал поддержать созданный в 1915 г. Прогрессивный блок, в который вошли основные фракции IV Государственной думы, кроме крайне правых, трудовиков и меньшевиков.

Известия о Февральской революции 1917 г. в России застали Плеханова в маленьком итальянском курортном городке Сан-Ремо, где его жена зимой 1909—1910 гг. устроила санаторий, в котором в зимние месяцы жил и Георгий Валентинович. Путь на родину лежал через Париж, Англию, Северное море, Норвегию, Швецию, Финляндию. В ночь на 1 апреля 1917 г. Плеханов вернулся в революционный Петроград. На Финляндском вокзале ему была устроена теплая встреча. Планировалось даже участие Плеханова во Временном правительстве в качестве министра труда. Однако его непопулярность в рабочих массах, которые были измучены войной и плохо принимали ура-патриотические призывы, а также болезнь помешали осуществлению этих планов. В итоге Плеханов возглавил лишь небольшую внефракционную социал-демократическую группу «Единство» и стал редактором одноименной оборонческой газеты, в которой было опубликовано в 1917 г. свыше ста его статей (после смерти автора они были изданы в 1921 г. в Париже в двухтомнике «Год на родине»). Их лейтмотивом стали призывы к продолжению войны с Германией до победного конца, к соглашению между пролетариатом и буржуазией на базе взаимных уступок и классового сотрудничества, а также критика совершенно беспочвенных, по мнению Плеханова, большевистских утопий о возможности победы в России социалистической революции.

Плеханов не признал Октябрьскую революцию, считая ее лишь большевистским военным переворотом, осудил роспуск Учредительного собрания и заключение Брестского мира. Однако когда Борис Савинков предложил ему возглавить антисоветское правительство, он наотрез отказался от этого, заявив, что не будет участвовать в расстрелах рабочих, даже если они и совершают ошибку, поддерживая большевиков.

В последние дни октября 1917 г. в квартире Плеханова в Царском Селе был произведен обыск: красногвардейцы искали у «буржуев» оружие. Когда об этом стало известно в Петрограде, было отдано распоряжение Военно-революционного комитета по охране Плеханова, но жена перевезла его сначала в одну из петроградских больниц, а затем, в конце января 1918 г., — в санаторий на территории отде-

лившейся к тому времени от России Финляндии. Большую роль в этом решении сыграли не только ухудшение состояния здоровья Плеханова, но и такие события, как разгон большевиками Учредительного собрания, а также убийство прямо в больнице бывших членов Временного правительства от кадетской партии Кокошкина и Шингарева.

30 мая 1918 г. Г. В. Плеханов скончался в санатории Питкяярви на шестьдесят втором году жизни. С большими трудностями его тело было перевезено в Петроград и предано земле на знаменитых Литераторских мостках Волкова кладбища, недалеко от могилы Белинского.

Имя Плеханова и сегодня неотделимо от истории передовой русской общественной мысли, русской революции. Не будут забыты и его заслуги перед рабочим классом России, которому он помог осознать свое место в общественной жизни, создать собственную политическую партию. Плеханов предвидел возможность перерождения большевистской партии в новую правящую элиту, стоящую над народом. К сожалению, его предостережения были оставлены большевиками без внимания. Однако и тот путь, которым предлагал идти в 1917 г. сам Плеханов, — путь компромисса, национального примирения и социального сотрудничества — не был поддержан в экстремальной обстановке того времени народными массами, настроенными на быстрое и радикальное, пусть даже кровавое, разрешение основных противоречий русской жизни. В итоге Плеханов, какими бы привлекательными ни казались многим сегодня его схемы, оказался обреченным на политическое одиночество и изоляцию, а его судьба стала ярким олицетворением глубокой трагедии русского марксизма. Плеханов искренне хотел найти, но так и не нашел оптимальный вариант адаптации западных моделей общественного прогресса к сложным и противоречивым условиям великой евразийской державы — России. Однако его бескорыстные искания и глубокий, честный патриотизм навсегда увековечили имя Плеханова в истории России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

МЕНЬШЕВИКИ	9
СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ	26
ЭСЕРЫ-МАКСИМАЛИСТЫ	47
АНАРХИСТЫ	62
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ	87
ОКТЯБРИСТЫ	108
СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА	129
РАДИКАЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТЫ	150

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Г. В. ПЛЕХАНОВ	167
А. Н. ПОТРЕСОВ	185
В. М. ЧЕРНОВ	205
Б. Д. КАМКОВ	228
П. А. КРОПОТКИН	247
П. Н. МИЛЮКОВ	263
А. И. ГУЧКОВ	281
П. П. РЯБУШИНСКИЙ	304
В. М. ПУРИШКЕВИЧ	320
ИЛИОДОР (С. М. ТРУФАНОВ)	341